

ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет»
Олимпиада школьников «ОКЕАН ЗНАНИЙ»
по литературе

Задание 1. Сопоставьте тексты с одинаковым названием «Шестое чувство»
Н.Гумилёва и А.Фадеева

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюблённое вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит не удержи́мо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Ещё не появившиеся крылья;

Так, век за веком – скоро ли, Господь? –
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.
1921

Шестое чувство

Морозка и Варя вернулись за полдень, не глядя друг на друга, усталые и ленивые.
Морозка вышел на прогалину и, заложив два пальца в рот, свистнул три раза
ронзительным разбойным свистом. И когда, как в сказке, вылетел из чащи курчавый,
звонкокопытый жеребец, Мечик вспомнил, где он видал обоих.
– Михрютка-а... сукин сы-ын... заждался?.. – ласково ворчал ординарец.

Проезжая мимо Мечика, он посмотрел на него с хитровой усмешкой.

Потом, ныряя по косогорам в тенистой зелени балок. Морозка ещё не раз вспоминал о Мечике. "И зачем только идут такие до нас? – думал он с досадой и недоумением. – Когда зачинали, никого не было, а теперь на готовенькое – идут..." Ему казалось, что Мечик действительно пришёл "на готовенькое", хотя на самом деле трудный крестный путь лежал впереди. "Придёт эдакой шпендрик – размякнет, нагадит, а нам расхлебывай... И что в нём дура моя нашла?"

Он думал ещё о том, что жизнь становится хитрей, старые сучанские тропы зарастают, приходится самому выбирать Дорогу.

В думах, непривычно тяжёлых, Морозка не заметил, как выехал в долину. Там – в душистом пырее, в диком, кудрявом клевере звенели косы, плыл над людьми прилежный работяга-день. У людей были курчавые, как клевер, бороды, потные и длинные, до колен, рубахи. Они шагали по прокосам размеренным, приседающим шагом, и травы шумно ложились у ног, пахучие и ленивые.

Завидев вооружённого всадника, люди не спеша бросали работу и, прикрывая глаза натруженными ладонями, долго смотрели вслед.

– Как свечечка!.. – восхищались они Морозкиной посадкой, когда, приподнявшись на стременах, склонившись к передней луке выпрямленным корпусом, он плавно шёл на рысях, чуть-чуть вздрагивая на ходу, как пламя свечи.

За излучиной реки, у баштанов сельского председателя Хомы Рябца, Морозка придержал коня. Над баштанами не чувствовалось заботливого хозяйского глаза: когда хозяин занят общественными делами, баштаны зарастают травой, сгнивает дедовский курень, пузатые дыни с трудом вызревают в духовитой полыни и пугало над баштанами похоже на сдыхающую птицу.

Воровато оглядевшись по сторонам, Морозка свернул к покосившемуся куреню. Осторожно заглянул вовнутрь. Там никого не было. Валялись какие-то тряпки, заржавленный обломок косы, сухие корки огурцов и дынь. Отвязав мешок, Морозка соскочил с лошади и, пригибаясь к земле, пополз по грядам. Лихорадочно разрывая плети, запихивал дыни в мешок, некоторые тут же съедал, разламывая на колене.

Мишка, помахивая хвостом, смотрел на хозяина хитрым, понимающим взглядом, как вдруг, услышав шорох, поднял лохматые уши и быстро повернул к реке кудлатую голову. Из ивняка вылез на берег длиннобородый, ширококостный старик в полотняных штанах и коричневой войлочной шляпе. Он с трудом удерживал в руках ходивший ходуном нерет, где громадный плоскожабрый таймень в муках бился предсмертным биением. С нерета холодными струйками стекала на полотняные штаны, на крепкие босые ступни разбавленная водой малиновая кровь.

В рослой фигуре Хомы Егоровича Рябца Мишка узнал хозяина гнедой широкозадой кобылицы, с которой, отделённый дощатой перегородкой, Мишка жил и столовался в одной конюшне, томясь от постоянного вожделения. Тогда он приветливо растопырил уши и, запрокинув голову, глупо и радостно заржал.

Морозка испуганно вскочил и замер в полусогнутом положении, держась обеими руками за мешок.

– Что же ты... делаешь? – с обидой и дрожью в голосе сказал Рябец, глядя на Морозку невыносимо строгим и скорбным взглядом. Он не выпускал из рук туго вздрагивающий нерет, и рыба билась у ног, как сердце от невысказанных, вскипающих слов.

Морозка опустил мешок и, трусливо вбирая голову в плечи, побежал к лошади. Уже на седле он подумал о том, что нужно было бы, вытряхнув дыни, захватить мешок с собой, чтобы не осталось никаких уликов. Но, поняв, что уже теперь все равно, пришпорил жеребца и помчался по дороге пыльным, сумасшедшим карьером.

– Обожди-и, найдём мы на тебя управу... найдём!.. найдём!.. – кричал Рябец, навалившись на одно слово и всё ещё не веря, что человек, которого он в течение месяца кормил и одевал, как сына, обкрадывает его баштаны, да ещё в такое время, когда они зарастают травой оттого, что их хозяин работает для мира.

В садике у Рябца, разложив в тени, на круглом столике, подклеенную карту, Левинсон допрашивал только что вернувшегося разведчика.

Разведчик в стёганом мужицком надеване и в лаптях – побывал в самом центре японского расположения. Его круглое, ожжённое солнцем лицо горело радостным возбуждением только что миновавшей опасности.

По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке. Две роты из Спасск-Приморска передвинулись в Сандагоу, зато Свягинская ветка была очищена, и до Шабановского Ключа разведчик ехал на поезде вместе с двумя вооружёнными партизанами из отряда Шалдыбы.

– А куда Шалдыба отступил?

– На корейские хутора...

Разведчик попытался найти их на карте, но это было не так легко, и он, не желая показаться невеждой, неопределённо ткнул пальцем в соседний уезд.

– У Крыловки их здорово потрепали, – продолжал он бойко, шмыгая носом. – Теперь половина ребят разбрелась по деревням, а Шалдыба сидит в корейском зимовье и жрёт чумизу. Говорят, пьёт здорово. Свихнулся вовсе.

Левинсон сопоставил новые данные с теми, что сообщил вчера даубихинский спиртонос Стыркша, и с теми, что присланы были из города. Чувствовалось что-то неладное. У Левинсона был особенный нюх по этой части – шестое чутье, как у летучей мыши.

Неладное чувствовалось в том, что выехавший в Спасское председатель кооператива вторую неделю не возвращался домой, и в том, что третьего дня сбежало из отряда несколько сандагоуских крестьян, неожиданно загрустивших по дому, и в том, что хромоногий хунхуз Ли-фу, державший с отрядом путь на Уборку, по неизвестным причинам свернул к верховьям Фудзина.

Левинсон снова и снова принимался расспрашивать и снова весь уходил в карту. Он был на редкость терпелив и настойчив, как старый таёжный волк, у которого, может быть, недостаёт уже зубов, но который властно водит за собой стаи – непобедимой мудростью многих поколений.

– Ну, а чего-нибудь особенного... не чувствовалось? – Разведчик смотрел не понимая.

– Нюхом, нюхом!.. – пояснил Левинсон, собирая пальцы в щепотку и быстро поднося их к носу.

– Ничего не унюхал... Уж как есть... – виновато сказал разведчик. "Что я – собака, что ли?" – подумал он с обидным недоумением, и лицо его сразу стало красным и глупым, как у торговки на сандагоуском базаре.

– Ну, ступай... – махнул Левинсон рукой, насмешливо прищуривая вслед голубые, как омуты, глаза.

Один он в задумчивости прошёлся по саду, остановившись у яблони, долго наблюдал, как возится в коре крепкоголовый, песочного цвета жучок, и какими-то неведомыми путями пришёл вдруг к выводу, что в скором времени отряд разгонят японцы, если к этому не приготовиться заранее.

У калитки Левинсон столкнулся с Рябцом и своим помощником Баклановым – коренастым парнишкой лет девятнадцати в суконной защитной гимнастерке и с недремлющим кольцом у пояса.

– Что делать с Морозкой?.. – с места выпалил Бакланов, собирая над переносьем тугие складки бровей и гневно выбрасывая из-под них горящие, как угли, глаза. – Дыни у Рябца крал... вот, пожалуйста!..

Он с поклоном повёл руками от командира к Рябцу, словно предлагал им познакомиться. Левинсон давно не видал помощника в таком возбуждении.

– А ты не кричи, – сказал он спокойно и убедительно, – кричать не нужно. В чём дело?..

Рябец трясущимися руками протянул злополучный мешок.

– Полбаштана изгадил, товарищ командир, истинная правда! Я, знаешь, нерета проверял – в кои веки собрался, – когда вылезает с ивнячка...

И он пространно изложил свою обиду, особенно напирая на то, что, работая для мира, вовсе запустил хозяйство.

– Бабы у меня, знаешь, заместо того, чтоб баштаны выполоть, как это у людей ведётся, на покосе маются. Как проклятые!..

Левинсон, выслушав его внимательно и терпеливо, послал за Морозкой.

Тот явился с небрежно заломленной на затылок фуражкой и с неприступно-наглым выражением, которое всегда напускал, когда чувствовал себя неправым, но предполагал врать и защищаться до последней крайности.

– Твой мешок? – спросил командир, сразу вовлекая Морозку в орбиту своих немутнеющих глаз.

– Мой...

– Бакланов, возьми-ка у него смит...

– Как возьми?.. Ты мне его давал?! – Морозка отскочил в сторону и расстегнул кобуру.

– Не балуй, не балуй... – с суровой сдержанностью сказал Бакланов, ту же собирая складки над переносьем.

Оставшись без оружия, Морозка сразу размяк.

– Ну, сколько я там дынь этих взял?.. И что это вы, Хома Егорыч, на самом деле. Ну, ведь сущий же пустяк... на самом деле!

Рябец, выжидательно потупив голову, шевелил босыми пальцами запылённых ног.

Левинсон распорядился, чтоб к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом.

– Пускай все узнают...

– Иосиф Абрамыч... – заговорил Морозка глухим, потемневшим голосом. – Ну, пушай – отряд... уж всё равно. А мужиков зачем?

– Слушай, дорогой, – сказал Левинсон, обращаясь к Рябцу и не замечая Морозки, – у меня дело к тебе... с глазу на глаз.

Он взял председателя за локоть и, отведя в сторону, попросил в двухдневный срок собрать по деревне хлеба и засушить пудов десять сухарей.

– Только смотри, чтоб никто не знал – зачем сухари и для кого.

Морозка понял, что разговор окончен, и уныло поплёлся в караульное помещение.

Левинсон, оставшись наедине с Баклановым, приказал ему с завтрашнего дня увеличить лошадям порцию овса:

– Скажи начхозу, пусть сыплет полную мерку.

Задание 2. Напишите эссе. «Что есть чтение, как не разглядывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределами слов... Чтение – прежде всего сотворчество... Устал от моей вещи, значит – хорошо читал и – хорошее читал.

Усталость читателя – усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь читателю и мне». (М.Цветаева. «Поэт о критике»)

Задание 3. Прочитайте отрывок и ответьте: отсылка к какому произведению русской литературы в нём содержится (аргументируйте ответ, укажите название и автора)? В каких ещё произведениях русской и европейской литературы встречается образ кота и какую функцию он выполняет?

А. и Б. Стругацкие «Понедельник начинается в субботу»

В комнате было совсем светло. За окном кто-то обстоятельно откашливался.

– Ну-с, так... – сказал хорошо поставленный мужской голос. – В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени... мнэ-э... Ну, в конце концов неважно. Скажем, мнэ-э...Полуэкт... У него было три сына-царевича. Первый... мнэ-э-э... Третий был дурак, а вот первый?..

Пригибаясь, как солдат под обстрелом, я подобрался к окну и выглянул. Дуб был на месте. Спиною к нему стоял в глубокой задумчивости на задних лапах кот Василий. В зубах у него был зажат цветок кувшинки. Кот смотрел себе под ноги и тянул: "Мнэ-э-э..." Потом он тряхнул головой, заложил передние лапы за спину и, слегка сутулясь, как доцент Дубино-Княжицкий на лекции, плавным шагом пошёл в сторону от дуба.

– Хорошо... – говорил кот сквозь зубы. – Бывали-живали царь да царица. У царя, у царицы был один сын... мнэ-э... дурак, естественно...

Кот с досадой выплюнул цветок и, весь сморщившись, потёр лоб.

– Отчаянное положение, – проговорил он. – Ведь кое-что помню! "Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь – на обед, молодец – на ужин..." Откуда бы это? А Иван, сами понимаете – дурак, отвечает: "Эх ты, поганое чудище, не уловивши бела лебедя, да кушаешь!" Потом, естественно – калёная стрела, все три головы долой, Иван вынимает три сердца и привозит, кретин, домой матери... Какой подарочек! – Кот сардонически засмеялся, потом вздохнул. – Есть ещё такая болезнь – склероз, – сообщил он.

Он снова вздохнул, повернул обратно к дубу и запел: "Кря-кря, мои деточки! Кря-кря, голубяточки! Я... мнэ-э... я слезой вас отпаивала... вернее – выпайвала..." Он в третий раз вздохнул и некоторое время шёл молча. Поравнявшись с дубом, он вдруг немзыкально заорал: "Сладок кус недоедала!.."

В лапах у него вдруг оказались массивные гусли – я даже не заметил, где он их взял. Он отчаянно ударил по ним лапой и, цепляясь когтями за струны, заорал ещё громче, словно бы стараясь заглушить музыку:

Дасс им таннвальд финстер ист,
Дасс махт дас хольтс,
Дасс... мнэ-э... майн шатц... или катц?..

Он замолк и некоторое время шагал, молча стуча по струнам. Потом тихонько, неуверенно запел:

Ой, бывав я в тим садочку,
Та скажу вам всю правдочку:

Ото так
Копают мак.

Он повернул к дубу, прислонил к нему гусли и почесал задней ногой за ухом.

– Труд, труд и труд, – сказал он. – Только труд! Он снова заложил лапы за спину и пошёл влево от дуба, бормоча:

– Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил-был портной, по имени... – Он встал на четвереньки, выгнул спину и злобно зашипел. – Вот с этими именами у меня особенно отвратительно! Абу... Али... Кто-то ибн чей-то... Н-ну хорошо, скажем, Полуэкт. Полуэкт ибн... мнэ-э... Полуэктович... Всё равно не помню, что было с этим портным. Ну и пёс с ним, начнём другую...

Я лежал на подоконнике и, млея, смотрел, как злосчастный Василий бродит около дуба то вправо, то влево, бормочет, откашливается, подвывает, мычит, становится от напряжения на четвереньки -- словом, мучается несказанно. Диапазон знаний его был грандиозен. Ни одной сказки и ни одной песни он не знал больше чем наполовину, но зато это были русские, украинские, западнославянские, немецкие, английские, по-моему,

даже японские, китайские и африканские сказки, легенды, притчи, баллады, песни, романсы, частушки и припевки. Склероз приводил его в бешенство, несколько раз он бросался на ствол дуба и драл кору когтями, он шипел и плевался, и глаза его при этом горели, как у дьявола, а пушистый хвост, толстый, как полено, то смотрел в зенит, то судорожно подёргивался, то хлестал его по бокам. Но единственной песенкой, которую он допел до конца, был "Чижик-пыжик", а единственной сказочкой, которую он связно рассказал, был "Дом, который построил Джек" в переводе Маршака, да и то с некоторыми купюрами. Постепенно – видимо, от утомления – речь его обретала всё более явственный кошачий акцент. "А в поли, поли, -- пел он, – сам плужок ходэ, а... мнэ-э... а... мнэ-а-а-у!.. а за тым плужком сам... мя-а-у-а-у! сам господь ходэ или бродэ?.." В конце концов он совершенно изнемог, сел на хвост и некоторое время сидел так, понутив голову. Потом тихо, тоскливо мяукнул, взял гусли под мышку и на трёх ногах медленно укывлял по росистой траве.

Задание 4. Прочитайте текст «Ёжик в тумане». Какое ведущее изобразительно-выразительное средство вы можете выделить? Аргументируйте ответ. Можно ли сопоставить текст с русской народной сказкой?

Сергей Козлов. Ёжик в тумане

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках.

Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

"Ммм-у!.." - вздохнула корова за рекой. Залаяла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось - большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ёжик сидел на горке под сосной и смотрел на освещённую лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

"Расскажу - не поверят!" - подумал Ёжик, и стал смотреть ещё внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

"Вот и звезда упала, - заметил он, - и трава наклонилась влево, и от ёлки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью... А интересно, - думал Ёжик, - если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?"

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

- Вот, - сказал Ёжик. - Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! - позвал он. Но лошадь ничего не сказала.

"Где же лошадь?" - подумал Ёжик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко сверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет, и он куда-то летит. Бултых!..

"Я в реке!" - сообразил Ёжик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнула, было по-прежнему темно, и Ёжик даже не знал, где берег.

"Пускай река сама несёт меня!" - решил он.

Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ёжик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

- Извините, - беззвучно сказал кто-то, кто вы и как сюда попали?

- Я - Ёжик, - тоже беззвучно ответил Ёжик. - Я упал в реку.

- Тогда садитесь ко мне на спину, - беззвучно проговорил кто-то. - Я отвезу вас на берег.

Ёжик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

- Спасибо! - вслух сказал он.

- Не за что! - беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.

"Вот так история... - размышлял Ёжику, отряхиваясь. - Разве кто поверит?!"

И заковылял в тумане.

Задание 5. Существует ли символизм в литературе сегодня? Если да, то в каких проявлениях?